

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

Повесть



Перевод с английского
К. Чуковского

Художник
Екатерина Орехова



Москва
«Махаон»

УДК 821.111(73)-31-93
ББК 84(7Сое)
Т26

Твен М.

Т26 Приключения Тома Сойера : повесть / Марк Твен ; пер. с англ. К. Чуковского ; худ. Е. Орехова. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2025. – 256 с. : ил. – (Классная литература).

ISBN 978-5-389-28504-0

Впервые на русском языке история о приключениях озорного мальчишки Тома Сойера в далеком американском городе Санкт-Петербурге вышла в 1929 году. И до сих пор эта повесть о смекалке, юности и силе дружбы не теряет своей актуальности. Произведение Марка Твена остается любимой книгой юных читателей по всему миру.

УДК 821.111(73)-31-93
ББК 84(7Сое)

© Чуковский К. И., наследники,
перевод на русский язык, 2025
© Орехова Е. Н., иллюстрации, 2025
© Оформление, ООО «Издательская
Группа «Азбука-Аттикус», 2025
Machaon®

ISBN 978-5-389-28504-0

Глава первая

ТОМ ИГРАЕТ, СРАЖАЕТСЯ, ПРЯЧЕТСЯ

– Том!

Нет ответа.

– Том!

Нет ответа.

– Куда же он запропастился, этот мальчишка?..

Том!

Нет ответа.

Старушка спустила очки на кончик носа и оглядела комнату поверх очков; потом вздернула очки на лоб и глянула из-под них. Она редко смотрела сквозь очки, если ей приходилось искать такую мелочь, как мальчишка, потому что это были ее парадные очки, гордость ее сердца: она носила их только «для важности»; на самом же деле они были ей совсем не нужны; с таким же успехом она могла бы глядеть сквозь печные заслонки. В первую минуту она как будто растерялась и сказала не очень сердито, но все же довольно громко, чтобы мебель могла ее слышать:

– Ну, попадись только! Я тебя...

Не досказав своей мысли, старуха нагнулась и стала тыкать щеткой под кровать, всякий раз останавли-

ваясь, так как у нее не хватало дыхания. Из-под кровати она не извлекла ничего, кроме кошки.

– В жизни своей не видела такого мальчишки!

Она подошла к открытой двери и, став на пороге, зорко вглядывалась в свой огород – заросшие сорняком помидоры. Тома не было и там. Тогда она возвысила голос, чтоб было слышно подальше, и крикнула:

– То-о-о-м!

Позади послышался легкий шорох. Она оглянулась и в ту же секунду схватила за край куртки мальчишку, который собирался улизнуть.

– Ну конечно! И как это я могла забыть про чулан! Что ты там делал?

– Ничего.

– Ничего! Погляди на свои руки. И погляди на свой рот. Чем это ты выпачкал губы?

– Не знаю, тетя!

– А я знаю. Это – варенье, вот что это такое. Сорок раз я говорила тебе: не смей трогать варенье, не то я с тебя шкуру спущу! Дай-ка сюда этот прут.

Розга взметнулась в воздухе – опасность была неминуемая.

– Ай! Тетя! Что это у вас за спиной!

Старуха испуганно повернулась на каблуках и поспешила подобрать свои юбки, чтобы уберечь себя от грозной беды, а мальчик в ту же секунду пустился бежать, вскарабкался на высокий дощатый забор – и был таков!

Тетя Полли остолбенела на миг, а потом стала добродушно смеяться.

– Ну и мальчишка! Казалось бы, пора мне привыкнуть к его фокусам. Или мало он выкидывал со мной всяких штук? Могла бы на этот раз быть умнее. Но, видно, нет хуже дурака, чем старый дурень. Недаром говорится, что старого пса новым штукам не выучишь. Впрочем, Господи Боже ты мой, у этого мальчишки и штуки все разные: что ни день, то другая, – разве тут

догадаешься, что́ у него на уме? Он будто знает, сколько он может мучить меня, покуда я не выйду из терпения. Он знает, что сто́ит ему на минуту сбить меня с толку или рассмешить, и вот уж руки у меня опускаются и я не в силах отхлестать его розгой. Не исполню я своего долга, что верно, то верно, да простит меня Бог. «Кто обходится без розги, тот губит ребенка», говорит Священное Писание¹. Я же, грешная, балую его, и за это достанется нам на том свете – и мне, и ему. Знаю, что он сущий бесенок, но что же мне делать? Ведь он сын моей покойной сестры, бедный малый, и у меня духу не хватает пороть сироту. Всякий раз, как я дам ему увильнуть от побоев, меня так мучает совесть, что и сказать не умею, а выпорю – мое старое сердце прямо разрывается на части. Верно, верно сказано в Писании: век человеческий краток и полон скорбей. Так оно и есть! Сегодня он не пошел в школу: будет лодырничать до самого вечера, и мой долг наказать его, и я выполню мой долг – заставлю его завтра работать. Это, конечно, жестоко, так как завтра у всех мальчиков праздник, но ничего не поделаешь, больше всего на свете он ненавидит трудиться. Спустить ему на этот раз я не вправе, не то я окончательно сгублю малыша.

Том и в самом деле не ходил нынче в школу и очень весело провел время. Он еле успел воротиться домой, чтобы до ужина помочь негритенку Джиму напилить на завтра дров и наколоть щепок, или, говоря более точно, рассказать ему о своих приключениях, пока тот исполнял три четверти всей работы. Младший брат Тома,

¹ Священным Писанием христиане считают Библию – книгу, где собрано много легенд о Боге и всевозможных святых, а также Евангелие – книгу о Сыне Божьем Иисусе Христе. Во многих странах Евангелие входит в состав Библии.

Сид (не родной брат, а сводный), к этому времени уже сделал все, что ему было приказано (собрал и отнес все щепки), потому что это был послушный тихоня: не проказничал и не доставлял неприятностей старшим.

Пока Том уплетал свой ужин, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы стянуть кусок сахара, тетя Полли задавала ему разные вопросы, полные глубокого лукавства, надеясь, что он попадет в расставленные ею ловушки и проболтается. Как и все простодушные люди, она не без гордости считала себя тонким дипломатом и видела в своих наивнейших замыслах чудеса ехидного коварства.

– Том, – сказала она, – в школе сегодня небось было жарко?

– Да, 'м¹.

– Очень жарко, не правда ли?

– Да, 'м.

– И неужто не захотелось тебе, Том, искупаться в реке?

Тому почудилось что-то недоброе – тень подозрения и страха коснулась его души. Он пылливо посмотрел в лицо тете Полли, но оно ничего не сказало ему. И он ответил:

– Нет, 'м... не особенно.

Тетя Полли протянула руку и потрогала у Тома рубашку.

– Даже не вспотел, – сказала она.

И она самодовольно подумала, как ловко удалось ей обнаружить, что рубашка у Тома сухая; никому и в голову не пришло, какая хитрость была у нее на уме. Том, однако, уже успел сообразить, куда ветер дует, и предупредил дальнейшие расспросы:

¹ «'м» – первая и последняя буквы слова «мэдм», которое употребляется в Англии и в Америке при почтительном обращении к женщине.

– Мы подставляли голову под насос – освежиться. У меня волосы до сих пор мокрые. Видите?

Тете Полли стало обидно: как могла она упустить такую важную косвенную улику! Но тотчас же новая мысль осенила ее.

– Том, ведь, чтобы подставить голову под насос, тебе не пришлось распарывать воротник рубашки в том месте, где я зашила его? Ну-ка расстегни куртку!

Тревога сбежала у Тома с лица. Он распахнул куртку. Воротник рубашки был крепко зашит.

– Ну хорошо, хорошо. Тебя ведь никогда не поймешь. Я была уверена, что ты и в школу не ходил, и купался. Ладно, я не сержусь на тебя: ты хоть и порядочный плут, но все же оказался лучше, чем можно подумать.

Ей было немного досадно, что ее хитрость не привела ни к чему, и в то же время приятно, что Том хоть на этот раз оказался пай-мальчиком.

Но тут вмешался Сид.

– Что-то мне помнится, – сказал он, – будто вы зашивали воротник белой ниткой, а здесь, поглядите, черная!

– Да, конечно, я зашила белой!.. Том!..

Но Том не стал дожидаться продолжения беседы. Убегая из комнаты, он тихо сказал:

– Ну и вздую же я тебя, Сидди!

Укрывшись в надежном месте, он осмотрел две большие иголки, заткнутые за отворот куртки и обмотанные нитками. В одну была вдета белая нитка, а в другую – черная.

– Она и не заметила бы, если б не Сид. Черт возьми! То она зашивает белой ниткой, то черной. Уж шила бы какой-нибудь одной, а то поневоле собьешься... А Сида я все-таки вздую – будет ему хороший урок!

Том не был Примерным Мальчиком, каким мог бы гордиться весь город. Зато он отлично знал, кто был примерным мальчиком, и ненавидел его.

Впрочем, через две минуты – и даже скорее – он позабыл все невзгоды. Не потому, чтобы они были для него менее тяжки и горьки, чем невзгоды, обычно мучающие взрослых людей, но потому, что в эту минуту им овладела новая могучая страсть и вытеснила у него из головы все тревоги. Точно так же и взрослые люди способны забывать свои горести, едва только их увлечет какое-нибудь новое дело. Том в настоящее время увлекся одной драгоценной новинкой: у знакомого негра он перенял особую манеру свистеть, и ему давно уже хотелось поупражняться в этом искусстве на воле, чтобы никто не мешал. Негр свистел по-птичьи. У него получалась певучая трель, прерываемая короткими паузами, для чего нужно было часто-часто дотрагиваться языком до нёба. Читатель, вероятно, помнит, как это делается, – если только он когда-нибудь был мальчишкой. Настойчивость и усердие помогли Тому быстро овладеть всей техникой этого дела. Он весело зашагал по улице, и рот его был полон сладкой музыки, а душа была полна благодарности. Он чувствовал себя как астроном, открывший в небе новую планету, только радость его была непосредственнее, полнее и глубже.

Летом вечера долгие. Было еще светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомец, мальчишка чуть побольше его. Всякое новое лицо любого пола и возраста всегда привлекало внимание жителей убогого городишки Санкт-Петербурга¹.

К тому же на мальчике был нарядный костюм – нарядный костюм в будний день! Это было прямо поразительно. Очень изящная шляпа; аккуратно застегнутая

¹ Американцы часто дают своим мелким городишкам громкие названия столиц. У них есть несколько Парижей, Москва, Амстердам, Константинополь и т. д. Город, изображенный в этой книге, назван именем тогдашней русской столицы.

синяя суконная куртка, новая и чистая, и точно такие же брюки. На ногах у него были башмаки, даром что сегодня еще только пятница. У него был даже галстук – очень яркая лента. Вообще он имел вид городского щеголя, и это взбесило Тома. Чем больше Том глядел на это дивное диво, тем обтерханнее казался ему его собственный жалкий костюм и тем выше задирали он нос, показывая, как ему противны такие франтовские наряды. Оба мальчика встретились в полном молчании. Стоило одному сделать шаг, делал шаг и другой, – но только в сторону, вбок, по кругу. Лицо к лицу и глаза в глаза – так они передвигались очень долго. Наконец Том сказал:

– Хочешь, я тебя вздую!

– Попробуй!

– А вот и вздую!

– А вот и не вздуешь!

– Захочу и вздую!

– Нет, не вздуешь!

– Нет, вздую!

– Нет, не вздуешь!

– Вздую!

– Не вздуешь!

Тягостное молчание. Наконец Том говорит:

– Как тебя зовут?

– А тебе какое дело?

– Вот я покажу тебе, какое мне дело!

– Ну покажи. Отчего не показываешь?

– Скажи еще два слова – и покажу.

– Два слова! Два слова! Два слова! Вот тебе! Ну!

– Ишь какой ловкий! Да если бы я захотел, я одною рукою мог бы задать тебе перцу, а другую пусть привяжут мне за спину.

– Почему ж не задаешь? Ведь ты говоришь, что можешь.

– И задам, если будешь ко мне приставать!

- Ай-ай-ай! Видали мы таких!
- Думаешь, как расфуфырился, так уж и важная птица! Ой, какая шляпа!
- Не нравится? Сбей-ка ее у меня с головы, вот и получишь от меня на орехи.
- Врешь!
- Сам ты врешь!
- Только страшает, а сам трус!
- Ладно, проваливай!
- Эй, ты, слушай: не уймешься, я расшибу тебе голову!
- Как же, расшибешь! Ой-ой-ой!
- И расшибу!
- Чего же ты ждешь? Пугаешь, пугаешь, а на деле и нет ничего! Боишься, значит?
- И не думаю.
- Нет, боишься!
- Нет, не боюсь!
- Нет, боишься!

Снова молчание. Пожирают друг друга глазами, топчутся на месте и делают новый круг. Наконец они стоят плечом к плечу. Том говорит:

- Убирайся отсюда!
- Сам убирайся!
- Не желаю.
- И я не желаю.

Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперед под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не дается ни тому ни другому. Толкаются они долго. Разгоряченные, красные, они понемногу ослабляют свой натиск; хотя каждый по-прежнему остается настороже. И тогда Том говорит:

– Ты трус и щенок! Вот я скажу моему старшему брату – он одним мизинцем отколотит тебя. Я ему скажу – он отколотит!

– Очень я боюсь твоего старшего брата! У меня у самого есть брат, еще старше, и он может швырнуть твоего вон через тот забор. (Оба брата – чистейшая выдумка.)

– Врешь!

– Мало ли что ты скажешь!

Том большим пальцем ноги проводит в пыли черту и говорит:

– Посмей только переступить через эту черту! Я дам тебе такую взбучку, что ты с места не встанешь! Горе тому, кто перейдет за эту черту!

Чужой мальчик тотчас же спешит перейти за черту:

– Ну посмотрим, как ты вздуешь меня.

– Отстань! Говорю тебе: лучше отстань!

– Да ведь ты говорил, что поколотишь меня. Отчего ж не колотишь?

– Черт меня возьми, если не поколочу за два цента!

Чужой мальчик вынимает из кармана два больших медяка и с усмешкой протягивает Тому.

Том ударяет его по руке, и медяки летят на землю. Через минуту оба мальчика катаются в пыли, сцепившись, как два кота. Они дергают друг друга за волосы, за куртки, за штаны, они щиплют и царапают друг другу носы, покрывая себя пылью и славой. Наконец неопределенная масса принимает отчетливые очертания, и в дыму сражения становится видно, что Том сидит верхом на враге и молотит его кулаками.

– Проси пощады! – требует он.

Но мальчик старается высвободиться и громко ревет – больше от злости.

– Проси пощады! – И молотья продолжается.

Наконец чужой мальчик невнятно бормочет: «Довольно!» – и Том, отпуская его, говорит:

– Это тебе наука. В другой раз гляди, с кем связываешься.

Чужой мальчик побрел прочь, стряхивая с костюмчика пыль, всхлипывая, шмыгая носом, время от вре-

мени оборачиваясь, качая головой и грозя жестоко разделаться с Томом «в следующий раз, когда поймает его». Том отвечал насмешками и направился к дому, гордый своей победой. Но, едва он повернулся спиной к незнакомцу, тот запустил в него камнем и угодил между лопатками, а сам кинулся бежать, как антилопа. Том гнался за предателем до самого дома и таким образом узнал, где тот живет. Он постоял немного у калитки, вызывая врага на бой, но враг только строил ему рожи в окне, а выйти не пожелал. Наконец появилась мамаша врага, обозвала Тома гадким, испорченным, грубым мальчишкой и велела убираться прочь. Том ушел, но, уходя, пригрозил, что будет бродить поблизости и задаст ее сыночку как следует.

Домой он вернулся поздно и, осторожно влезая в окно, обнаружил, что попал в засаду: перед ним стояла тетка; и, когда она увидела, что случилось с его курткой и штанами, ее решимость превратить его праздник в каторжную работу стала тверда как алмаз.

Глава вторая

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МАЛЯР

Наступила суббота. Летняя природа сияла – свежая, кипящая жизнью. В каждом сердце звенела песня, а если сердце было молодое, песня изливалась из уст. Радость была на каждом лице, каждый шагал упруго и бодро. Белые акации стояли в цвету и наполняли воздух ароматом. Кардиффская гора, возвышавшаяся над городом, покрылась зеленью. Издали она казалась обетованной землей – чудесной, безмятежной, заманчивой.

Том вышел на улицу с ведром известки и длинной кистью. Он окинул взглядом забор, и радость в одно мгновение улетела у него из души, и там воцарилась

тоска. Тридцать ярдов деревянного забора в девять футов¹ вышины!

Жизнь показалась ему бессмыслицей, существование – тяжелою ношею. Со вздохом обмакнул он кисть в известку, провел ею по верхней доске, потом проделал то же самое снова и остановился: как ничтожна белая полоска по сравнению с огромным пространством некрашеного забора! В отчаянии он опустился на землю под деревом. Из ворот выбежал вприпрыжку Джим. В руке у него было жестяное ведро. Он напевал песенку «Девушки Буффало». Ходить за водой к городскому насосу Том всегда считал неприятным занятием, но сейчас он взглянул на это дело иначе. Он вспомнил, что у насоса всегда собирается много народу – белые, мулаты², чернокожие: мальчишки и девчонки в ожидании своей очереди сидят, отдыхают, ведут меновую торговлю игрушками, ссорятся, дерутся, балуются. Он вспомнил также, что, хотя до насоса было не более полутора шагов, Джим никогда не возвращался домой раньше чем через час, да и то почти всегда приходилось бегать за ним.

– Слушай-ка, Джим, – сказал Том, – хочешь, побегу тут немножко, а за водой сбегая я.

Джим покачал головой и сказал:

– Не могу, масса³ Том! Старая хозяйка велела, чтобы я шел прямо к насосу и ни с кем не останавливался по пути. Она говорит: «Я уж знаю, говорит, что масса Том будет звать тебя белить забор, так ты его не слу-

¹ Яр д – английская мера длины, равна 0,91 метра; в фу те 0,3 метра.

² Му л а т ы – потомки от смешанных браков негров и белых.

³ М а с с а – испорченное английское слово «мастэр», то есть барчук, молодой господин. Так прислуга называет господских детей.

шай, а иди своей дорогой». Она говорит: «Я сама, говорит, пойду посмотреть, как он будет белить».

– А ты ее не слушай! Мало ли что она говорит, Джим! Давай сюда ведро, я мигом сбегаяю. Она и не узнает.

– Ой, боюсь, масса Том, боюсь старой миссис! Она мне голову оторвет, ей-богу, оторвет!

– Она! Да она пальцем никого не тронет, разве что стукнет наперстком по голове – вот и все! Кто же на это обращает внимание? Говорит она, правда, очень злые слова, ну, да ведь от слов не больно, если только она при этом не плачет. Джим, я дам тебе шарик. Я дам тебе мой белый алебастровый шарик.

Джим начал колебаться.

– Белый шарик, Джим, отличный белый шарик!

– Так-то оно так, вещь отличная! А только все-таки, масса Том, я крепко боюсь старой миссис.

– И к тому же, если ты захочешь, я покажу тебе мой волдырь на ноге.

Джим был всего только человек и не мог не поддаться такому соблазну. Он поставил ведро на землю, взял алебастровый шарик и, пылая любопытством, смотрел, как Том разбинтовывает палец ноги, но через минуту уже мчался по улице с ведром в руке и мучительной болью в затылке, между тем как Том принялся деятельно мазать забор, а тетушка покидала поле битвы с туфлей в руке и торжеством во взоре.

Но энергии хватило у Тома ненадолго. Он вспомнил, как весело собирался провести этот день, и на сердце у него стало еще тяжелее. Скоро другие мальчики, свободные от всяких трудов, выбегут на улицу гулять и резвиться. У них, конечно, затеяны разные веселые игры, и все они будут издеваться над ним за то, что ему приходится так тяжело работать. Самая мысль об этом жгла его, как огонь. Он вынул из карманов свои сокровища и стал рассматривать их: обломки игрушек, шарики и тому подобная рухлядь; всей этой дребеде-

ни, пожалуй, достаточно, чтобы оплатить три-четыре минуты чужого труда, но, конечно, за нее не купишь и полчаса свободы. Он снова убрал свое жалкое имущество в карман и отказался от мысли о подкупе. Никто из мальчишек не станет работать за такую нищенскую плату. И вдруг в эту черную минуту отчаяния на Тома снизошло вдохновение! Именно вдохновение, не меньше – блестящая гениальная мысль.

Он взял кисть и спокойно принялся за работу. Вот вдаль показался Бен Рóджерс, тот самый мальчишка, насмешек которого он боялся больше всего. Бен не шел, а прыгал, скакал и приплясывал – верный знак, что на душе у него легко и что он многого ждет от предстоящего дня. Он грыз яблоко и время от времени издавал протяжный мелодический свист, за которым следовали звуки на самых низких нотах: «Дин-дон-дон, дин-дон-дон», так как Бен изображал пароход. Подойдя ближе, он убавил скорость, стал посреди улицы и принялся не торопясь заворачивать, осторожно, с надлежащей важностью, потому что представлял собою «Большую Миссúри», сидящую в воде на девять футов. Он был и пароход, и капитан, и сигнальный колокол в одно и то же время, так что ему приходилось воображать, будто он стоит на своем собственном мостике, отдает себе команду и сам же выполняет ее.

– Стоп, машина, сэр! Динь-дилинь, динь-дилинь-динь!

Пароход медленно сошел с середины дороги и стал приближаться к тротуару.

– Задний ход! Дилинь-дилинь-динь!

Обе его руки вытянулись и крепко прижались к бортам.

– Задний ход! Право руля! Тш, дилинь-линь! Чшш-чшш-чшш!

Правая рука величаво описывала большие круги, потому что она представляла собой колесо в сорок футов.

– Лево на борт! Лево руля! Дилинь-динь-динь!
Чшш-чшш-чшш!

Теперь левая рука начала описывать такие же круги.

– Стоп, правый борт! Дилинь-динь-динь! Стоп, левый борт! Вперед и направо! Стоп! Малый ход! Динь-дилинь! Чуу-чуу-у! Отдай конец! Да живей, пошевеливайся! Эй, ты, на берегу! Чего стоишь? Принимай канат! Носовой швартов! Накидывай петлю на столб! Задний швартов! А теперь отпусти! Машина остановлена, сэр! Дилинь-динь-динь! Шт! шт! шт! (Машина выпускала пары.)

Том продолжал работать, не обращая на пароход никакого внимания. Бен уставился на него и через минуту сказал:

– Ага! Попался!

Ответа не было. Том глазами художника созерцал свой последний мазок, потом осторожно провел кистью опять и вновь откинулся назад – полюбоваться. Бен подошел и встал рядом. У Тома слюнки потекли при виде яблока, но он как ни в чем не бывало упорно продолжал свою работу. Бен сказал:

– Что, брат, заставляют работать?

Том круто повернулся к нему:

– А, это ты, Бен! Я и не заметил.

– Слушай-ка, я иду купаться... да, купаться! Небось и тебе хочется, а? Но тебе, конечно, нельзя, придется работать. Ну конечно, еще бы!

Том посмотрел на него и сказал:

– Что ты называешь работой?

– А разве это не работа?

Том снова принялся белить забор и ответил небрежно:

¹ Ш в а р т ó в – канат, которым корабли причаливают к сваям пристани.

– Может, работа, а может, и нет. Я знаю только одно: Тому Сойеру она по душе.

– Да что ты? Уж не хочешь ли ты сказать, что для тебя это занятие – приятное?

Кисть продолжала гулять по забору.

– Приятное? А что же в нем такого неприятного? Разве мальчикам каждый день достается белить заборы?

Дело представилось в новом свете. Бен перестал грызть яблоко. Том с упоением художника водил кистью взад и вперед, отступал на несколько шагов, чтобы полюбоваться эффектом, там и сям добавлял штришок и снова критически осматривал сделанное, а Бен следил за каждым его движением, увлекаясь все больше и больше. Наконец сказал:

– Слушай, Том, дай и мне побелить немножко!

Том задумался и, казалось, был готов согласиться, но в последнюю минуту передумал:

– Нет, нет, Бен... Все равно ничего не выйдет. Видишь ли, тетя Полли ужасно привередлива насчет этого забора: он ведь выходит на улицу. Будь это та сторона, что во двор, другое дело, но тут она страшно строга – надо белить очень и очень старательно. Из тысячи... даже, пожалуй, из двух тысяч мальчиков найдется только один, кто сумел бы выбелить его как следует.

– Да что ты? Вот никогда бы не подумал. Дай мне только попробовать... ну хоть немножечко. Будь я на твоём месте, я б тебе дал. А, Том?

– Бен, я бы с радостью, честное слово, но тетя Полли... Вот Джим тоже хотел, да она не позволила. Просился и Сид – не пустила. Теперь ты понимаешь, как мне трудно доверить эту работу тебе? Если ты начнешь белить, да вдруг что-нибудь не так...

– Вздор! Я буду стараться не хуже тебя. Мне бы только попробовать! Слушай: я дам тебе серединку вот этого яблока.

– Ладно! Впрочем, нет, Бен, лучше не надо... боюсь я...

– Я дам тебе все яблоко – все, что осталось.

Том вручил ему кисть с видимой неохотой, но с тайным восторгом в душе. И пока бывший пароход «Большая Миссури» трудился и потел на припеке, отставной художник сидел рядом в холодке на каком-то бочонке, болтал ногами, грыз яблоко и расставлял сети для других простаков. В простаках недостатка не было: мальчишки то и дело подходили к забору – подходили зубоскалить, а оставались белить. К тому времени, как Бен выбился из сил, Том уже продал вторую очередь Билли Фишеру за совсем нового бумажного змея; а когда и Фишер устал, его сменил Джонни Миллер, внеся в виде платы дохлую крысу на длинной веревочке, чтобы удобнее было эту крысу вертеть, – и так далее, и так далее, час за часом. К полудню Том из жалкого бедняка, каким он был утром, превратился в богача, буквально утопающего в роскоши. Кроме вещей, о которых мы сейчас говорили, у него оказались двенадцать алебастровых шариков, обломок зубной «гуделки»¹, осколок синей бутылки, чтобы глядеть сквозь него, пушка, сделанная из катушки для ниток, ключ, который ничего не хотел отпирать, кусок мела, стеклянная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопушек, одноглазый котенок, медная дверная ручка, собачий ошейник – без собаки, – рукоятка ножа, четыре апельсиновые корки и старая, сломанная оконная рама.

Том приятно и весело провел время в большой компании, ничего не делая, а на заборе оказалось целых три слоя известки! Если бы известка не кончилась, он разорил бы всех мальчиков этого города.

Том сказал себе, что, в сущности, жизнь не так уж пуста и ничтожна. Сам того не ведая, он открыл вели-

¹ «Гуделка» – крохотный музыкальный инструмент со стальным язычком; его держат зубами; играют на нем, ударяя пальцем по концу язычка.

кий закон, управляющий поступками людей, а именно: для того чтобы человек или мальчик страстно захотел обладать какой-нибудь вещью, пусть эта вещь достанется ему возможно труднее. Если бы он был таким же великим мудрецом, как и автор этой книги, он понял бы, что Работа есть то, что мы обязаны делать, а Игра есть то, что мы не обязаны делать. И это помогло бы ему уразуметь, почему изготавливать бумажные цветы или, например, вертеть мельницу – работа, а сбивать кегли и восходить на Монблан¹ – удовольствие. В Англии есть богачи джентльмены, которые в летние дни управляют четверкой, везущей омнибус за двадцать-тридцать миль, только потому, что это благородное занятие стоит им значительных денег; но, если бы им предложили жалованье за тот же нелегкий труд, развлечение стало бы работой, они сейчас же отказались бы от нее.

Некоторое время Том не двигался с места; он размышлял над той существенной переменной, которая произошла в его жизни, а потом направил свои стопы в главный штаб – рапортовать об окончании работы.

Глава третья

ЗАНЯТ ВОЙНОЙ И ЛЮБОВЬЮ

Том предстал перед тетей Полли, сидевшей у открытого окошка в уютной задней комнате, которая была одновременно и спальней, и гостиной, и столовой, и кабинетом.

Благодатный летний воздух, безмятежная тишина, запах цветов и убаюкивающее жужжание пчел произвели на нее свое действие: она клевала носом над вязаньем, ибо единственной ее собеседницей была кош-

¹ Монблан – гора в Швейцарии.

Серия «КЛАССНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ТВЕН Марк

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

Повесть

Перевод с английского *Корнея Чуковского*

Художник *Екатерина Орехова*

Ответственный редактор *Е. В. Васильева*

Дизайн обложки *О. В. Клявель*

Технический редактор *Т. Ю. Андреева*

Корректор *А. М. Магрилова*

Верстка *К. А. Иванов*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.03.2025.

Формат 84×110 1/32. Гарнитура «Pragmatica».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,68.

Тираж 5000 экз. D-RSP-37607-01-R. Заказ №

Дата изготовления / Өндірілген күні 28.04.2025.

Срок службы (годности): не ограничен. / Қызмет (жарамдылық) мерзімі: шектелмеген.

Условия хранения: в сухом помещении. / Сақтау шарттары: құрғақ үй-жайда.

Изготовитель:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Maschaon
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:

«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
Maschaon тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық
округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55

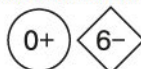
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».



Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)
Тауар КО ТР 007/2011 «Балалар мен жасөспірімдерге арналған
өнімдердің қауіпсіздігі туралы» талаптарына сәйкес келеді.